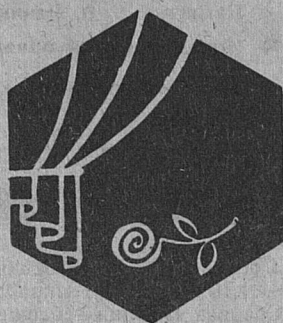

Вырезка из газеты

ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА

13 АПР 1985

г. Алма-Ата

Когда на сцену Государственного театра для детей и юношества Казахстана выходит в очередной раз со своей незатейливой песенкой Золушка и начинается «просто сказка в 2-х действиях» Е. Шварца, в зале обычно нет свободных мест.

Маленький зритель затихает, подтверждая своим пристальным вниманием старую истину о магнетической силе искусства. Вряд ли найдется хоть один, кто не знаком с сюжетом этой сказки, не пережил благодаря книге, кино или телевизионному экрану все коллизии этого трогательного сказочного повествования. И все-таки сколько сопереживания сопровождает Золушку, утверждающую мысль о неизбежности победы добра над злом! Искренности — над фальшью, духовного начала, даже такого хрупкого и незащищенного, которое она воплощает, над спесью, стыстью, духовным бесплодием?

Действие спектакля стремительно разворачивается в пользу добра и радости, четко разграничивая черное и белое, не оставляя на сцене места первому, ведя к полному торжеству второго. Маленький зритель, неустанное любопытство которого проникает к театре всюду, вплоть до оркестровой ямы, сердечно простившись с актерами, уходит просветленным.

В это очень хочется верить остающимся в театре.

Завязался ли в детской душе узелок на память о границах добра и зла, о противодействии черного и белого? Ответ на этот вопрос беспокоит после каждого спектакля. Вокруг этого вопроса вертится вся беспокойная — от аэробики ранним утром и до ре-

петиции поздним вечером — тюзская жизнь каждого актера в отдельности и всего коллектива в целом.

Постоянно беспокоит он и Золушку — актрису ТЮЗа Розу Иванову. Когда ей задаешь вопрос, требующий какой-то самооценки, в ответе звучит «ледок максималистки»: «Я в «Золушке» всего лишь символ. Символ доб-

А актерам известно, как благотворно «работает» иногда на роль связь между жизненным и сценическим переживанием, насколько легче «разбудить» себя для творчества, когда чувствуешь — что-то роднит с духовным обликом героя.

Роза помнит, как в детстве, в большом дворе коммунального дома, они разыгрывали роли «Зо-

руны», — скажет она через много лет со сцены от имени своей любимой сказочной героини. Это признание Золушки прозвучит искренне, быть может, потому, что напомнило настроение накануне неудачного экзамена в Свердловске.

Так было дважды. В то, что чудо все-таки возможно, продолжала верить только подруга. Однажды она привела Розу к подъезду Нижнетагильского театра кукол и сказала: «Я знаю, здесь ты будешь работать!». Главный режиссер театра Василий Иванович Вошаев мало походил на добрую фею.

— Я хочу у вас работать, — сказала она.

— А кем бы вы хотели?

— Актрисой можно?

После короткого диалога он повел ее по театру.

— Смотрите, какие у нее глаза? Как она на все здесь смотрит! — говорил он актерам. Те охотно подтверждали факт необычного явления, улыбаясь встречали и провожали маленькую самозванку.

В театре кукол царил особая атмосфера доверительности, доброжелательности, уходившая своими корнями к традициям эвакуированного в свое время сюда Ленинградского театра кукол, на базе которого и был основан Нижнетагильский. Жизнь коллектива подчинялась вахтанговским требованиям студийного такта, а именно — быть скромным, учиться не мешать товарищу, а помогать добрым расположением, проявлять такт и осторожность в критике творческой работы товарищей, стараться находить в ней прежде всего достоинства.

Дилетантское представление о профессии актера-кукловода разрушилось в первый же месяц пребывания в театре. Стало ясно, что новое дело требует далеко не только освоения механики кукловодства. Процесс «оживления куклы» связан с огромными творческими затратами, серьезной внутренней работой. Здесь, за ширмой, можно было стать свидетелем «живой» актерской игры высокого класса, полного слияния с образом. Особенно потрясла Розу добрая волшебница из «Золушки», поставленной по пьесе Т. Габбе, бабушка Милюшина актрисы Любы Михайловой, о которой в театре говорили: «Она полностью растворяется в образе».

Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, Брехт из библиотек товарищей по труду прочитаны от корки до корки. Чтение классики — взаймы. Коллектив шагнул за десять лет ее работы от заширенного петрушечного театра к спектаклям с постоянно обновляющимися способами работы с куклой, элементами эксцентрики, широким использованием актерской игры в «живом» плане.

В Государственный театр для детей и юношества Казахстана Роза пришла с богатым репертурным листом — героини сказок Бажова, Буратино и Малютка в «Буратино», Русалочка в спектакле по сказке Андерсена, Верочка в постановке пьесы Григорьева «Ах, водевиль, водевиль» и многие другие — всего около сорока ролей. За три года работы в Алма-Ате он пополнился еще

рядом интересных ролей, самых разнообразных, в том числе и в амплуа трагести.

— Есть роли, будто созданные для тебя, а есть, как у нас говорят, на сопротивление. Но в любом случае стараешься вникнуть в логику внутренней жизни образа. Бывает, что в процессе этого осмысливания роль перестает быть ролью на сопротивление. Так, например, было с Малаховой в «ненаучной фантастической истории» Хмелика «Гуманоид в небе мчится». Противоречивый образ. Всегда сложно сыграть такой. Но разве любой детский характер не полон противоречий? Путь к цельности всегда связан с внутренней борьбой. Важно ее показать, чтобы по этому пути шли. Как у поэта: «Людам до полного роста надо расти и расти...» — объясняет Роза. И все-таки лучше, на ее взгляд, ей удастся отражение на сцене натур светлых, одухотворенных. Она перечисляет — Франсуаза, погибающая на баррикаде, Руслан — активный поборник добра.

— И Золушка?

Так уж получилось, что первой ролью в театре кукол была Золушка. И здесь, в Алма-Ате, — опять Золушка. Казалось бы, роль отработана до конца, в силу природных данных и воодушевленной игры актриса органично вписывается в живые сценические картинки. Что же еще? Откуда чувство неудовлетворенности, прозвучавшее в разговоре после спектакля?

Еще в первой части «просто сказки в 2-х действиях» происходит, как известно, чудо, то есть появляется Фея: и все вознаграждается по заслугам — в четкой зависимости от того, со знаком плюсом или минус они были. А каковы заслуги Золушки? Благодарение? Кротость? В силу режиссерского решения спектакля Золушка во многом лишилась возможности активно, деятельно творить на сцене добро. Золушкатуружница, действующая на стороне справедливости, остается в значительной степени «за кадром». Ей хочется быть другой Золушкой — активной, которая может научить главному: делать добро своими руками.

Б. ВИСТ.

Театр: роли и дебюты

Все о Золушке

лушки». Эту сказочную историю, грустную вначале и веселую в конце, как раз впервые показали на телеэкране. Как инициатор дворовых театральных игр и главный распределитель ролей, Роза могла бы попробовать себя в роли Золушки. Но так и не решилась. Всегда находились более блестящие, на ее взгляд, претендентки на роль прекрасной избранницы принца.

К окончанию школы она могла представить себя учительницей. И только. Однажды сама не заметила, что натолкнуло ее на восторженное, окрыленное описание в школьном сочинении самого прекрасного в родном Нижнем Тагиле уголка — площади. Там — не только памятник отцу и сыну Черепановым, но и великолепное, ни с каким другим не сравнимое, здание городского драматического театра. Когда это сочинение, не даввшее конкретного ответа на вопрос — кем я хочу быть? — было вслух прочитано на уроке литературы, для самой Розы показалось неожиданным прозвучавшее звенящей нотой преклонение перед храмом театрального искусства. Роза будет актрисой — решили в классе.

Откуда в девочке тяга к театру? Этого не могли понять в многодетной семье монтажника Андрея Петровича Фаста. Правда, в большом семействе все любил петь — и бабушка Павлина, и дедушка Бальтазар, и тетушки Зоя, Роза, Нэлли. Но мечта о сцене еще не посещала этого скромного дома.

При поступлении в Свердловское театральное училище Розу не покидало чувство, которому она нашла определение позже — публичного одиночества. Все из-за природной робости. Кем чувствовала она себя в бойкой толпе рослых, раскованных абитуриентов? Золушкой, которой вряд ли прорваться на бал. «Мне так хочется, чтобы люди меня сами заметили, без всяких просьб и хлопот с моей сто-

ра. А чему я зрителя научила?»

Больше десяти лет уже посвящено театру, но по-прежнему ответственность ее велика, потому что важно не утратить объективное представление о грани между плюсом и минусом в оценке своего актерского труда. А если и изменит тебе тут чувство меры, то пусть уж лучше в сторону самообольщения — такого принципа придерживается актриса, первое же знакомство с которой наталкивает на мысль, что ей удивительно идет, в силу природных особенностей, играть Золушку.